

РѢчь,

сказанная при отпѣваніи студентомъ II-го курса, священникомъ Н. Чудновцевымъ.

Предъ нами, братіе, о. Антоній, но не тотъ уже, который былъ съ нами еще такъ недавно. Его взоръ угасъ, лице блѣдно и холодно, сердце болѣе не бьется! Смерть сдѣлала свое дѣло!—Вотъ гдѣ конецъ земного странствованія каждаго изъ насъ! Какъ бы ни оболыцалъ челоѣка его умъ, открывая все болѣе и болѣе его права на обладаніе симъ міромъ, ведя непрестанно этого царя земныхъ тварей по пути все новыхъ и новыхъ открытій и грандіозныхъ изобрѣтеній,—здѣсь—у этого гроба—онъ долженъ умолкнуть, сломить крылья своей напрасной гордыни.

Что же? Неужели этимъ все и оканчивается? Неужели къ этому мрачному могильному холоду въ концѣ концовъ должны сводиться всѣ радости жизни? Предъ нами встаетъ вопросъ величайшей тайны и напрасно умъ нашъ старался бы его со всею ясностію рѣшить: слишкомъ непроницаема для него завѣса, опускаемая смертію. Для него лишь то несомнѣнно, что жизнь челоѣка не въ его власти,—при всей своей изощренности онъ не въ силахъ продлить ее ни на одну часть далѣе положеннаго предѣла. А далекъ-ли этотъ предѣлъ отъ настоящей минуты для каждаго изъ насъ? $\frac{1}{4}$ всего челоѣчества умираетъ не достигши юношескаго возраста, большинство покидаетъ жизнь, не испытавъ въ ней вполне уже

развившихся силъ. Средняя продолжительность жизни не болѣе 40 лѣтъ! И только весьма немногіе достигаютъ, *еще въ силахъ*, 70—80 лѣтъ, и то испытывая на своемъ жизненномъ пути многіе труды и болѣзни. *Яко въ животъ нашъ есть? Цвѣтъ и быль и роса утренняя воистину* (стих. на погребеніе).

Умъ человѣческій, обольщаемый своею изобрѣтательностію, ставитъ очень высоко человѣческое достоинство здѣсь, въ условіяхъ земной жизни. Но что значить человѣкъ въ условіяхъ земной жизни. Но что значить человѣкъ въ ряду всѣхъ существующихъ безчисленныхъ міровъ? Это—малое существо, занимающее лишь незначительную точку на земной планетѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ несется въ безбрежномъ пространственномъ океанѣ.

А что значать и эти 70—80 лѣтъ, наибольшій періодъ его земного существованія въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, какое уже существуетъ міръ и какое ему еще предстоитъ пройти? Наша земная жизнь—это одна секунда въ сравненіи съ вѣчностью. И эту жизнь проводитъ человѣкъ въ непрерывной борьбѣ за блага земныя, напрягая всѣ усилія къ созиданію своего возможнаго здѣсь счастья, полагая въ его основу то богатство, то удовольствія, то почести разнаго рода. Но, напрасный трудъ! Зданіе земного благоденствія, какъ-бы оно высоко ни было воздвигнуто, всегда готово бываетъ рухнуть, ибо *вся суета, елика не пребываютъ по смерти* (стих. на погр.). Здѣсь все подвержено тлѣнію. Вотъ почему чаша жизни, изъ которой мы стараемся черпать временныя радости, такъ часто бываетъ отравлена горечью разочарованія... А душа остается попрежнему неудовлетворенною, чувствуя тоску среди всѣхъ окружающихъ насъ благъ, и это особенно чувствуется въ виду могилъ нашихъ близкихъ. Здѣсь мы ясно видимъ, что изъ всѣхъ земныхъ сокровищъ единственною нашею собственностію на

землѣ останутся лишь какихъ-нибудь 3—4 аршина земли, да и то на нѣкоторое лишь, можетъ быть, время. Смерть—и конецъ всѣмъ нашимъ земнымъ попеченіямъ! Предъ этимъ эпилогомъ всѣхъ нашихъ надеждъ нашъ умъ останавливается мрачнымъ и растеряннымъ. Невыразимо грустна мысль, что у свѣтлаго теченія жизни человѣческой нѣтъ другого окончанія, кромѣ темнаго моря смерти!

Если такъ безпомощенъ человѣкъ предъ ударомъ смерти, то это потому, что всѣ его силы направлены сюда, къ землѣ. Если умъ человѣческій цѣпѣется при видѣ разлагающагося тѣла во гробѣ, если сердце сжимается непонятнымъ страхомъ, чувствуя угрозы смерти, отъ которой нѣтъ выхода, то и это опять потому, что мы не желаемъ часто и думать о жизни по ту сторону гроба: мы слишкомъ прилѣпляемся къ земному и въ смерти мы дѣйствительно видимъ ужаснаго палача, удара котораго не въ силахъ отклонить никакія мольбы, никакія слезы. Налагаетъ на кого смерть холодную руку и мы готовы сказать: всему конецъ! Сколько невыразимаго отчаянія скрывается въ этомъ словѣ для душъ маловѣрныхъ! Въдѣ если бы со смертію дѣйствительно все оканчивалось, тогда чѣмъ была бы для насъ земная жизнь? Это было бы путешествіе безъ цѣли, ворота, никуда не ведущія, корабль, посланный только для того, чтобы погибнуть въ глубинѣ неизвѣданнаго моря!

Нѣтъ, братіе, въ смерти не конецъ. Такъ говоритъ намъ Тотъ, Который держитъ въ Себѣ обѣщанія жизни вѣчной. Что сокрыто отъ нашихъ тѣлесныхъ очей, то доступно очамъ спасительной вѣры, чего не можетъ съ очевидностію для себя узрѣть пытливый умъ человѣка, то открываетъ намъ святая воля нашего Творца въ Божіемъ словѣ.—Душа человѣка—это божественное дыханіе—можетъ ли подвергнуться тлѣнію? Это удѣлъ бrenнаго тѣла, духъ же долженъ возвратиться къ *Толѣ, иже даде его*. Въ моментъ своего

разлученія съ тѣломъ онъ вступаетъ въ новый міръ, гдѣ сіяетъ вѣчный свѣтъ, душѣ открывается ея истинное отечество небесное, о которомъ она такъ тосковала здѣсь. Ей не страшны могильный мракъ, сырость и холодъ. Пусть тѣло тлѣетъ,—это только временная хижина нашей странствующей на землѣ души: для нея смерть не уничтоженіе, а радостное освобожденіе отъ узъ плоти, это лишь порогъ, чрезъ который она вступаетъ въ жизнь иную, гдѣ всѣ тѣ границы, которыя разъединяють здѣсь людей—богатства, почести—исчезають.—Тусклая, утомительная, безпокойная наша жизнь для души въ смерти не пресѣкается, но лишь становится болѣе полною, вышею, вѣчною. Но она не для всѣхъ одинакова и это различіе опредѣляется по суду Божественной Правды сообразно дѣламъ каждаго. Жизнь за гробомъ для души есть продолженіе жизни настоящей, поэтому и состояніе души послѣ смерти предуготовляется ея теперешнимъ поведеніемъ и настроеніемъ. Что тамъ будетъ испытывать душа, полагавшая всю цѣль земной жизни въ удовлетвореніи эгоистическихъ потребностей чувственной плоти? Порвавъ свою связь съ бреннымъ тѣломъ, лишившись и всѣхъ средствъ, которыя служили этимъ ея стремленіямъ, она унесетъ съ собою лишь одну неудовлетворенную жажду и эта жажда вмѣстѣ съ укорами совѣсти за бесполезную трату земного времени и при сознаніи своей удаленности отъ лица Господня, Источника истинной жизни, превратится для нея въ невыразимое страданіе.

Напротивъ, душа помышляющая о небесномъ, питающая себя святыми чувствами, полагающая въ добродѣтеляхъ себѣ сокровища, руководящаяся указаніями заповѣдей Божіихъ, и здѣсь уже предвкушаетъ будущую безболѣзненную и радостную для нея жизнь и тамъ явится въ чертогахъ Отца своего небеснаго одѣянною и преукрашенною.

Этимъ путемъ шель въ своемъ земномъ странствованіи
почивлій духовный нашъ Отець. Но кто можетъ быть совер-
шенно чистъ предъ Богомъ? Были и у него, можетъ быть,
невольныя прегрѣшенія. Прости ихъ ему, Милосердый
Господи! Сподоби его вѣчныхъ твоихъ благъ, упокая въ
нестарѣющемъ блаженствѣ твоємъ!
